

“МИФ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ” В ТЕКСТАХ
РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУР

RUS VE BULGAR EDEBİ METİNLERİNDE
“KURBAN MİTİ”*

“MYTH OF SACRIFICE” IN THE TEXTS OF RUSSIAN
AND BULGARIAN LITERATURE

Emine İNANIR**

ÖZ

Çalışmamızda Rus tarihsel öyküler ve XIX. yüzyıl Bulgar edebiyatı metinleri örneklerinde tarihsel- kültürel ve mitolojik bağlamda, “cezalandırma miti” (kurban miti) değerlendirmeye alınmıştır. Böylesi bir yaklaşım, farklı ulusal edebi modellerin mitolojileştirilmiş yazın örneklerinin birbiriyle kesişen, ayrılan ve benzeyen özelliklerini ortaya çıkarma olanağını sunmaktadır. Bu öğeler kapsamında ele aldığımız Rus tarihsel öykülerinden “O zaçale tsarstvuyuşçego grada Moskvij”-“Moskova’nın Kuruluş Öyküsü” (XVII. yüzyıl), “Skazaniye ob ubiyenii Danila Suzdalskogo i o naçale Moskvij”- “Danila Suzdalski’nin Öldürülmesi ve Moskova’nın Kuruluş Öyküsü” (XVII. yüzyıl), “Povest o Tverskon otroçem monastyre”-“Tver Manastırı Öyküsü” (XVII. yüzyıl) ve XIX. yüzyıl gerçekçi Bulgar edebiyatı kurucularından P. Slaveykov’un “İzvorat na Belonogata”- “Akbalırlı Genç Kızın Çeşmesi” gibi yapıtlar temelinde metinlerarası etkileşim de irdelenmiştir.

Bunun yanı sıra çalışmamızın yine odak noktalarından biri, yeni bir kentin veya yeni binaların kuruluşunda “kurban” ya da “duvara gölge gömme” ibadetlerinin etimolojisi konusudur; bu kavramların başlıca tanımlamalarına da yer verilmiştir.

Çalışma sırasında, kültürel-tarihsel artzamanlı planda “kurban” ya da “duvara gölge gömme” kavramlarının sınıflandırılmasından dolayı, yukarıda belirtilen motifleri içeren metinlerin farklı bağlamlarda işlev gördüğü ve böylece farklı kültürlerde farklı yansımaları neden olduğu tespit edilmiştir.

Adı geçen çalışmamızın çerçevesinde, yeni bir kentin veya yeni binaların inşasında kullanılan “kurban” ya da “duvara gölge gömme” kavramlarının hem Rus hem de Güney Slav halklarının dünya görüşlerinde ortaya çıkmış olan, mitolojik düşüncenin farklı bir izlem açısı olduğu da belirlenmiştir.

Anahtar Kelimeler: kurban miti, Rus tarihsel öyküler, Bulgar edebiyatı, metinlerarası etkileşim.

* Настоящая работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта **ВАР 55824** при поддержке Стамбульского университета. Bu çalışma İstanbul Üniversitesi ВАР **55824** projesi olarak hazırlanmış ve desteklenmiştir.

** Prof. Dr., İstanbul Üniversitesi, Edebiyat Fakültesi, Slav Dilleri ve Edebiyatları Bölümü, eminar@istanbul.edu.tr

DOI: 10.17498/kdeniz.375758

ABSTRACT

This article is devoted to the study of the "myth of sacrifice" in a wide historical, cultural and mythological discourse, on the actual linguistic material of the texts of the Russian historical novel and Bulgarian literature of the 19th century. This approach provides an opportunity to identify the points of contact and intersection of the mythopoetics of individual national literary models in the context of the historical contact of cultures. Within the framework of precisely these parameters, we came to the consideration of the Russian historical novellas "About the grandeur of the reigning great city of Moscow, which will be conceived first" (XVII c.) and "Tales of the murder of Daniel Suzdal and the beginning of Moscow" (XVII c.), "The Tale of Tver" (XVII century) and the poem "The Source of the Belonogaya" (XIX c.), the founder of the Bulgarian realistic poetry Petko Slaveikov in the context of intertextual relations.

The focus of our study also includes some definitions, which in our opinion are important from the point of view of the genealogy of "sacrifice" and "zamurovyvaniya" in the construction of a new city or new buildings.

In the course of the work it was established that, because of the stratification of the semantic meanings of "sacrifice", "immolation" in the cultural-historical diachronic plan, the texts containing the above motives function in different contexts and cause different reflections inherent in each separate cultural. Within this framework, it was also established that "sacrifice" and "immolation" in the construction of a new city or new buildings is a rooted strategy of mythological thinking "in the spiritual mentality of both Russian and South Slavic peoples.

Key Words: "Myth Of Sacrifice", Russian Historical Novellas, Bulgarian Literature, Intertextual Relations.

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящается изучению «мифа жертвоприношения» в широком историко-культурном и мифопоэтическом дискурсе, на фактическом языковом материале текстов русской исторической повести и болгарской литературы XIX-го века. Такой подход предоставляет возможность выявить точки соприкосновения и пересечения мифопоэтики отдельных национальных литературных моделей в контексте исторического соприкосновения культур. В рамках именно этих параметров, мы подошли к рассмотрению русских исторических повестей «О зачале царствующаго великого града Москвы, како исперва зачатся» (XVIIв.) и «Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» (XVIIв.), «Повесть о Тверском отрочем монастыре» (XVII. в.) и поэмы «Источник Белоногой» (XIXв.) основателя болгарской реалистической поэзии Петко Славейкова в контексте интертекстуальных отношений.

В фокус нашего исследования вошли также некоторые дефиниции, которые по нашему мнению являются важными с точки зрения генеалогии «жертвоприношения» и «замуровывания» при строительстве нового города или новых зданий.

В процессе работы было установлено, что вследствие наложения семантических значений «жертвоприношения», «замуровывания» в культурно-историческом диахронном плане, тексты, содержащие вышеназванные моотивы, функционируют в разных контекстах и вызывают различные рефлексии, присущие каждой отдельной культурной среде. В рамках данной было установлено также, что «жертвоприношение» и «замуровывание» при строительстве нового города или новых

зданий является равернутой стратегией мифологического мышления» в духовной ментальности как русского, так и южнославянских народов.

Ключевые слова: миф, жертвоприношение, замуровывание, историческая повесть, болгарская литература, интертекстуальность.

Цель этого исследования — рассмотреть «миф жертвоприношения» в отдельных текстах древнерусской и болгарской литератур в социо-духовном контексте. Мотив жертвоприношения, выходя за рамки конкретно-национального, превратился в универсальное явление или ссылаясь на высказывание Мелетинского о мифах, можем отнести его к «одному из художественных ритмов в эволюции мировой литературы». Исследователь, представляя классификацию мифов (по Фраю), которые соотносятся с четырьмя сезонными фазами в жизни природы, «заход солнца, осень, смерть», описывает «миф (ы) падения, умирания, насильственной смерти и жертвоприношения» (Мелетинский, 2000:109-11).

Поэтому тексты выбранные нами в этой работе, рассмотрены главным образом сквозь призму тех особенностей, которые оказываются пересекаемыми на общем фоне мифопоэтики каждой отдельной национальной модели. В рамках именно этих параметров, мы подошли к рассмотрению отдельных литературных сочинений русской и болгарской литератур в контексте интертекстуальных отношений.

В фокус нашего исследования вошли также некоторые дефиниции, которые по нашему мнению являются важными с точки зрения генеалогии «жертвоприношения».

«Жертвоприношение» — это богато-развернутая стратегия мифологического мышления в духовной ментальности как русского, так и южнославянских народов, которая на протяжении столетий приобрела «сакральное» выражение страсти (по словам Мирча Элиаде, миф описывает мощные проявления священного) и неосознанного страха, необъяснимого увлечения и отвращения, ненависти — «системы антагонистических сил, союза противопоставлений», какой является сама структура мифа по словам П. Брюнеля (Brunel, 1994: 29-40); Элиаде, 2017:6).

Наша довольно скромная задача состоит в том, чтобы сжато представить отдельные аспекты этой проблемы и рассмотреть их на конкретных примеров двух славянских литератур.

В контексте ряда мифологических сказаний и сюжетов, летописей византийских, арабских, тюркских, восточнославянских и южнославянских, а также старинных жанров германской эпико-драматической песни (песни поэтической «Эдды») нередко упоминается о жертвоприношениях, следовательно, явление это связано с мифологическим моделированием нравственной системой этих народов. В отличие от традиций древнейших тюркских племен и греков, у которых принято рассчитываться за каждое сотворенное «зло» или «добро», у славян часто наблюдается сплетение понятий «наказание насильственной смертью» синонимами «жертвоприношения». Доказательством тому являются сведения о поводе написания исторических повестей «О зачале царствующаго великого града Москвы, како исперва зачатся» (сложенной во второй четверти XVII-го века) и «Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» (написанной между 1652 и 1681 гг.). Шамбинаго С. К. называя первую хронографическую повестью, другую — новеллой по характеру их содержания, успел обнаружить также непосредственный источник части повести «О зачале царствующаго великого града Москвы...», где

рассказывается о насильственной смерти Андрея Боголюбского, сына основателя города Москвы — князя Юрий Владимировича. По сведениям учёного таким источником является рассказ Хроники Константина Манассии «Царство Никифора Фоки» (Шамбинаго, 1936:72-73). (Рисунок No 1)

Рисунок No 1. Князь Юрий Долгорукий

В основе вышеназванных повестей лежит широко распространенный мотив о поставлении больших городов «на-крови»: так основались Рим, Византийская столица; согласно преданию, так должна была возникнуть и Москва — будущая столица Руси. Отсюда становится ясно, что известной идее «Москва — третий Рим» сопутствует мотив жертвоприношения при строительстве нового города или новых зданий.

Повесть «О зачале царствующаго великого града Москвы...» начинается рассуждениями о том, как основы древнего Рима и второго Рима — Константинополь закладывались на крови жертвы, вот почему и Москва как третий Рим должна была создаться «...по кровопролитию же и по закланию кровей многих». В доказательство этой мысли приводится рассказ о том, что:

«В лето 6666 (т. е. в 1158 г.— М. Т.) великий князь Юрий Владимирович шел из Киева во Владимир град к сыну своему Андрею Юрьевичу, и пришел на место, где ныне царствующий град Москва, по обеим сторонам Москвы-реки села красные. Этими селами владел тогда боярин некий богатый именем Кучка, Стефан Иванов. Тот Кучка очень возгордился и не почтил великого князя подобающею честью, <...>»

Князь великий Юрий Владимирович, не стерпя от него хулы, повелевает того боярина схватить и смерти предать;<...>. Сыновей же его Петра и Акима, молодых и очень красивых, и единственную дочь, такую же благообразную и красивую, именем Улилу, отослал во Владимир к сыну своему.<...>. Сам же князь великий Юрий Владимирович <...> повелевает на том месте вскоре сделати малый деревянный город и прозвал Москва город по имени реки, текущей под ним” (Салмина 1964: 47).

С евангельских времен число 666 считалось «числом зверя» — антихриста. Выбрав такое апокалипсическое число, автор по мнению многих исследователей хотел подчеркнуть, что само время создания Москвы перопределено судьбой и будто бы требовало жертвы (Лихачев Д., Макогоненко Г., 1980:339-340).

В данном случае речь идёт о событиях 1158 года, когда князь Юрий Долгорукий по пути из Киева во Владимир остановился на берегу Москвы-реки и за высокомерный прием, оказанный ему боярином Стефаном Ивановичем Кучкой, владевшим здешними селами, князь приказал его казнить. А дочь Кучки— Улилу он отдал в жены своему сыну Андрею Боголюбскому. Далее автор «*Повести о зачале Москвы...*» говорит о том, что Улита и ее братья Кучковичи устроили заговор и убили Андрея Боголюбского. За смерть князя отомстил его брат Михалко Юрьевич. Он перебил убийц брата, а Улилу велел “повесити на вратах и растреляти из многих луков” (Салмина, 1964:48).

Из исторической повести становится ясно, что казни Кучки не было достаточно для строительной жертвы, братьями своей жены (дочерью Кучки) был убит и сын великого князя Юрия — Андрей Боголюбский, главный герой —мученик повести «О зачале Москвы...».

Следует также отметить, что в романе современного татарского писателя Мусагита Хабибуллина «Сказание о Казани и дочери хана» автор, описывая события из истории создания города Казани — крупнейшего торгового центра Волжско-Камского государства болгар в XII-ом веке, также использует мотив «жертвоприношения» живого человека в строительстве нового города. Внук великого хана Салима — Гали, был обречен своим дедом «замуровыванию» живым при возведении крепости Казань. По мнению Хабибулина, восходя к обрядам древних языческих народов, этот мотив строился на убеждении, что любое здание, любая крепость лишь тогда долговечны, когда при их основании приносится человеческая жертва (Хабибуллин , 2005:178-181). События, описываемые в этом историческом романе косвенно связаны с московской темой, автор неоднократно упоминает о соперничестве в торговле и строительстве, существующем между русским князем Андреем Боголюбским и болгарским ханом Салимом.

Мотивы «замуровывания» живого человека в стену, крепость, мост, фонтан, чтобы эти сооружения стояли крепко, известен как в южнославянском фольклоре, так и в отдельных образцах болгарской литературы эпохи национального возрождения. В поэме «*Источник Белоногой*» (Изворът на Белоногата), основатель болгарской реалистической поэзии Петко Славейков (1827 - 1895 гг.) своеобразным образом изложил *мотив «жертвоприношения»* молодой девушки при строительстве нового источника в болгарской деревни Бисерча. Легенда о «замуровывании» тени молодой красавицы Герганы, не изменившей сельскому парню Николы, звучит как мифологическое сказание, в котором переплетены фольклорно-песенные выражения стихового послания Славейкова.

В драматическом столкновении между героями поэмы, а именно османским везиром — влюбленным в Гергану и предлагающим ей неслыханные богатства и девушкой, которая до конца, отстаивает свою первую любовь и своих родителей-стариков— победила воля молодой красавицы. Везир *«отпустил её на волю»*, но его *«добронамеренность не была в состоянии отменить наказание «черной ведьмы»* за нарушение национальных моральных стереотипов. Ведь молодая девушка часто встречалась со своим возлюбленным Николой в *«непривычное время»*, в полночь, когда кругом бродили *«змеи, змеиные духи и ночные феи»* (Радев, 1997:240). Вот по этой причине молодая девушка была обречена смерти «замуровыванием» живой в сельском источнике. (Рисунок No 2)

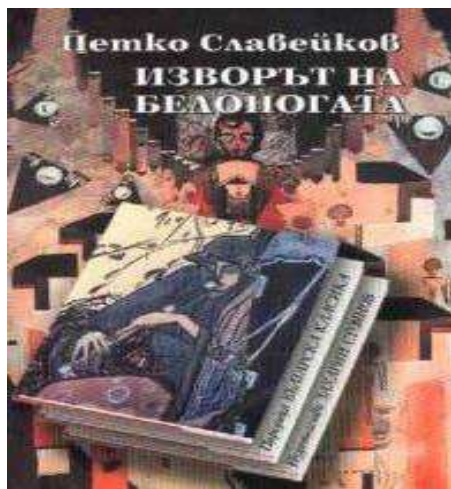

Рисунок No 2. Поэма *«Источник Белоногой»* о «замуровывании» тени молодой девушки при строительстве нового источника.

Этот вид «жертвоприношения» при строительстве, известный как мотив *«замуровывания невесты»*, часто встречается в фольклорной ментальности болгарского народа. Исследовательница Л. Парпулова, реконструируя сложную семиотическую интертекстуальность мотива *«жертвоприношения»* при закладывании основ новых городов и построек, обратила внимание на процесс его адаптации в средневековье к религиозно-мифологическим ценностям болгар (Парпулова, 1990:14).

Аналогичные выводы можно сделать и по отношению русского цикла повестей о начале Москвы. Следует отметить также, что одна из самых интересных повестей второй половины XVII-го века *«Повесть о Тверском отрочем монастыре»* по отношению принципа сюжетной непредсказуемости, использования мотивов семейно-обрядового фольклора и мотива «жертвоприношения» перекликается с поэмой *«Источник Белоногой»*. Повесть рассказывает о любовной драме, связанной с основанием Отроча монастыря при первом великом князе Твери Ярославле Ярославиче (Лихачев Д., Макогоненко Г., 1980:341). Ксения, дочь деревенского пономаря, на которой хотел жениться Григорий, в день их свадьбы, отвергнула

жениха и вышла замуж за князя. Несчастный Григорий ушел в лес— стал отшельником, потом построил Отрочь монастырь, подстригся в монаха и умер в построенном им обителе.

Лотман, исследуя структуру мифологических текстов, отметил, что они представляют собой особую модель мира. Им незнакомы категории «начала» и «конца», текст воспринимается как непрерывно повторяющееся устройство. В таких текстах пестрота мира представлена в инвариантных образах. По выражению Лотмана, мифологические тексты

«сводили мир эксцессов и аномалий, который окружал человека, к норме и устройству (...) трактовали не об однократных и внезакономерных явлений, а о событиях (...) бесконечно репродуцируемых и, в этом смысле, неподвижных (...) Регулярность повтора делает их не эксцессом, случаем, а законом, иманентно присущим миру» (Лотман., 1999:209).

Исследуя мотивы жертвоприношения в отдельных литературных сочинениях русской и болгарской литератур в траектории время-пространство, мы не встретили изобразительных вариантов в прямом смысле ритуального исполнения, а скорее всего заметили нарративных моделей, имеющих символическое внушение. В случае, ту «регулярность повтора», которая придавая им иманентное значение, заодно превращает их в своеобразный вид традиционного ритуала. С другой стороны, вследствие наложения семантических значений «жертвоприношения», «замуровывания» в культурно-историческом диахронном плане, оказалось, что тексты функционируют в разных контекстах и вызывают различные рефлексии, присущие каждой отдельной культурной среде. Следовательно для понимания мифа жертвоприношения и для восприятия его в надлежащем контексте, прежде чем перейти непосредственно к нему, необходимо описать условия той культурной среды, которая благоприятствует его появлению.

В заключении можно отметить, что эти мифологические повести легли в основание многих повестей, рассказов и романов позднейших лет, далеко отошедших от первоначальной темы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Brunel, P. (1994). Mythe et littérature. in Mythe et littérature. Etudes reunies et présentées par Ernst Leonardy (Louvain-la-Neuve), Bruxelles 1994 (Université de Louvain. Recueil de travaux d'histoire et de philologie 6e serie Fascicule 47)- p. 29-40.

Лихачев Д., Макогоненко Г., (1980). История русской литературы. Том Первый. Древнерусская литература Литература XVIII-го века.-Л.:Наука.

Лотман, Ю. М., (1999). Внутри мыслящих миров: Человек – текст- семиосфера – история.- Москва: Языки русской культуры.

Мелетинский, Е.М., (2000). Поэтика мифа.- Москва: Восточная литература РАН.

Парпулова, Л. (1990). Към реконструкцията на отношенията между фолклор и религия на Балканите през средните векове (Въз основа на баладата “Вградена невеста”). В: Българска етнография, 1990, N. 3-4, 2-15.

Радев, И. (1997). История на българската литература през Възраждането.-В. Търново: Абагар.

Салмина, М.А., (1964). Повести о начале Москвы. Москва-Ленинград: Наука.

Хабибуллин, М. М.,(2005). Сказание о Казани и дочери хана: - Казань: Татар. кн. изд-во.

Шамбинаго, С.К. (1936). Повести о начале Москвы .-ТО и «замуровывания» при строительстве нового города или новых зданий.ДРЛ, т.3. Москва-Ленинград.

Элиаде, М.(2017). Аспекты мифа. Дата доступа: 12.10.2017
<http://romanbook.ru/book/4512132/?page=6>.